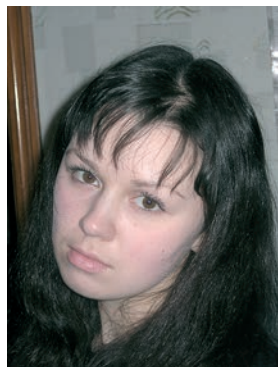

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ CREATIVITY OF YOUNG RESEARCHERS

УДК 821.16

DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(1).114-128

Панкратова Татьяна Борисовна

Соискатель ученой степени кандидата филологических наук
Кафедра новейшей русской литературы, Литературный
институт имени А. М. Горького, Российская Федерация,
123104, Москва, ул. Тверской Бульвар, д. 25,
e-mail:Terraincognita-825@yandex.ru

Tatiana B. Pankratova

Applicant for a PhD in Philology degree
Department of Contemporary Russian Literature, Maxim
Gorky Institute of Literature and Creative Writing, 25 Tverskoy
Boulevard, Moscow, Russian Federation, 123104,
e-mail:Terraincognita-825@yandex.ru

ПУБЛИЦИСТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. КУРОЧКИНА

Аннотация. В статье рассматривается публицистика Виктора Александровича Курочкина. Его публицистические произведения относятся ко времени его работы в газетах (1953–1954 гг.), когда он учился в Литературном институте им. А. М. Горького и только начинал свой путь в большую литературу. Виктор Курочкин в отечественном литературоведении известен, прежде всего, как автор знаменитой повести «На войне как на войне», по ней снят одноименный фильм, а в 2004 году Джанлоренцо Пачини [1] перевел повесть на итальянский язык. Однако В. А. Курочкин автор не одной известной повести, а множества интересных произведений: рассказов, повестей, сценариев и пьес, статей и фельетонов. Его творчество долгое время оставалось в тени. Его старались не печатать и не замечать. Главной причиной тому, конечно, стала его принципиальная позиция не идти на поводу у партии. В своем творчестве он стремился к воплощению художественной правды, не желая подстраиваться и угождать цензуре, не соглашался на компромиссы, отстаивал справедливость и свои взгляды. Эта жизненная позиция появилась уже в первых его статьях и фельетонах, что закончилось для него несправедливым увольнением из газеты и невозможностью дальше публиковать свои статьи и иметь постоянный доход. Творчество В. А. Курочкина практически не изучено. Его публицистика впервые выступает объектом изучения. Об этом периоде его творчества долгое время не было известно. В то время как этот период послужил началом творчества писателя, сказался на темах и сюжетах его художественных произведений. Публицистика В. Курочкина рассматривается как в контексте других его произведений, так и в контексте произведений писателей поколения Курочкина. Статья расширяет представление о творчестве Виктора Курочкина, дает представление об особенностях стилистики писателя. Обосновывается значимость публицистики В. Курочкина, выявляется ее влияние на его дальнейшее творчество.

Ключевые слова. В. А. Курочкин, публицистика, статьи, фельетоны, эволюция творчества, особенности стилистики.

Информация о статье. Дата поступления 27 января 2017 г.; дата принятия к печати 22 января 2018 г.; дата онлайн-размещения 05 февраля 2018 г.

JOURNALISM IN VICTOR A. KUROCHKIN'S CREATIVE WRITINGS

Abstract. The article considers Victor A. Kurochkin's journalism. His publicistic writings date back to the period when he worked in newspapers (in 1953-1954) while studying at Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing and was just at the beginning of his literary career. Victor Kurochkin is, first of all, well-known to domestic literary scholars as the author of the famous story *A la guerre comme a la guerre*. The story was filmed, and in 2004 Gianlorenzo Pacini translated the story into Italian. However, Victor A. Kurochkin is the author of not only one famous story, but also many interesting works, i.e. short stories, stories, scripts and plays, articles and satirical stories. For a long time Kurochkin's creative writings remained on the sidelines. Efforts were made not to notice him and not to publish him. The main reason for that was, of course, his principled position not to follow the party's lead. In his creative writings he was trying to express artistic sincerity, unwilling to be flexible and please the censors, he was not compromising his views and was standing for justice. This life philosophy already characterized his first articles and satirical stories, which resulted in his being fired from the newspaper he was working for; he could not publish his articles any longer and had no fixed income. Victor A. Kurochkin's creative writings are insufficiently studied. His publicistic writings are an object of study for the first time. This period of his literary work remained unknown for a long time. However, this very period was the beginning of his literary work and shaped the themes and plots of his fiction. V. Kurochkin's journalism is considered both in the context of his other works, and in the context of works by other writers of his time. The article expands one's knowledge of Victor Kurochkin's writings, provides one with an idea of his writing style. The importance of V. Kurochkin's journalism is proved, its influence on his further writing is revealed.

Keywords. Victor A. Kurochkin, journalism, articles, satirical stories, evolution of creative writing, writing style characteristics.

Article info. Received January 27, 2017; accepted January 22, 2018; available online February 05, 2018.

Введение

О творчестве Виктора Курочкина написано сравнительно немного. Из попыток обобщенных исследований можно выделить статью Р. Мессер «Свой голос» в книге «Идущие во след: Литературные портреты» и книгу С. Панферова «Земля и небо Виктора Курочкина: Литературный

портрет в интерьере из четырех повестей». Р. Мессер рассматривает в своей статье далеко не все произведения Виктора Курочкина и анализирует их во многом с заданных позиций советской критики. Основу монографии С. Панферова составили статьи, написанные автором в течение нескольких лет. Он не пре-

следовал научной цели. Свою задачу видел в создании портрета замечательного человека, нашего современника. Книга Панферова, в основном, интересна наличием в ней биографических подробностей, интересных деталей.

Творчеству Курочкина также посвящены статьи: Г. Горышина, В. Конецкого, П. Басинского, С. Федякина и других. Его книги рассматривали в своих рецензиях: В. Кожин, С. Орлов, В. Дягелев, Ю. Манн.

Однако к публицистике писателя никто из исследователей и критиков еще не обращался. В то время как в его статьях и фельетонах можно увидеть зарождение писательского таланта и проследить связь с дальнейшим его творчеством. Именно это обстоятельство обусловило наше обращение к данной теме.

В нашей статье мы рассмотрим статьи и фельетоны В. Курочкина, с целью выявления эволюции его творчества, основных особенностей и специфики прозы, а также обоснования значимости публицистики и ее роли в творчестве В. Курочкина.

Основные положения и материалы работы могут быть использованы в учебном и исследовательском процессах.

Первые попытки литературного творчества В. Курочкина относятся к послевоенным годам. Свои записи и наблюдения он вел в процессе вживания в мирную жизнь, когда пробовал себя на прочность в самой разной работе. Ею можно было считать и обтачивание снарядов на заводе «Игла» в блокадном Ленинграде, и учебу в танковом училище, и фронтовые будни — младшим лейтенантом. На фронте он участвовал в форсировании Днепра, Вислы,

Одера. За мужество был награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны I и II степени.

В феврале 1945 года был тяжело ранен. Победу встретил в госпитале. Судьба сберегла его для литературы. После госпиталя Курочкина направили на Высшие офицерские курсы. И хотя оканчивает их с хорошей характеристикой, он по собственному желанию уходит из армии. Устроился шлифовщиком на завод, затем трудился рабочим в типографии. Позднее работал почтальоном, пионервожатым, библиотекарем. Участвовал в самодеятельности, играл на сцене. Весь этот разнообразный опыт, конечно же, воплотился в его литературных произведениях. Курочкин не изучал жизнь, а жил среди людей, впитывая в себя все увиденное и услышанное.

После окончания юридической школы становится народным судьей, что позволило как бы из первоисточника реальной жизни собрать неповторимый материал, постичь столь непростую психологию человека. Именно это обнаружит Курочкин в «Записках народного судьи Семена Бузыкина», которые напишет через много лет. В полном объеме они будут изданы только после его смерти.

Заступаясь за людей, судья Курочкин нередко шел против «линии» партии. По его признаниям, он тяготился своим делом, не считал себя вправе судить и болезненно воспринимал несправедливость советской судебной системы. Отбыв на избранной должности положенный срок, он уходит в газету. Сначала в «Большевистскую правду» в Павловске, затем в «Вперед» в Пушкине, именно там публикует одни из первых своих

литературных опытов — фельетоны («Бельмесовские эксперименты», «Глазовский застройщик», «Клещ», «Сборщик податей») и статьи.

Начало творческого пути. Публицистика

Путь Виктора Курочкина в большую литературу как бы повторил творческие искания писателей фронтового поколения, к которому он принадлежал. Как и они, свою литературную судьбу он начал с произведений, которые не имели отношения к тому, что им было пережито на войне [2, с. 162]. Как и многие из них, он окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Его окончили Г. Бакланов, Ю. Бондарев, В. Тендряков, О. Кожухова — все они выпускники семинара К. Паустовского. В. Курочкин учился в семинаре С. Бабенышевой, это объясняется тем, что Курочкин учился на заочном отделении и уже работал в газетах. Так вот, хотя все они прошли войну, их первые очерки и рассказы были либо о деревенских жителях, либо о представителях других профессий. Почти все они начинали с публицистики. Многие из них ехали в деревню по заданию редакции и писали ее как бы со стороны. Курочкин уже здесь отличался, он родился и вырос в деревне, и не понаслышке знал о проблемах ее жителей, он писал свою деревню изнутри.

Впервые о его работе в 1953–1954 г. в газетах «Большевистская правда» (г. Павловск) и «Вперед» (г. Пушкин) упоминает в своей книге воспоминаний «Долгое эхо оборванных струн» (2010 г.) его вдова Г. Е. Нестерова-Курочкина. Благодаря ей также стало известно о том, что Курочкин писал фельетоны. Де-

ло в том, что он публиковал их, как и некоторые статьи, под псевдонимом Василий Овсов, именно так впоследствии будут звать героя его первой повести «Заколоченный дом».

В его корреспондентских статьях, и тем более в фельетонах, уже легко узнается писательская рука Виктора Курочкина, видны отличительные черты его стиля. В статьях о буднях колхоза, то и дело появляется поэтичное описание природы: «Зима. Снег пышной периной окутал землю. Мороз крепок, трещит, зарисовывает узоры на окнах» (статья В. Овсова «Цветы к выборам»); «С утра показалось солнце. Оно скользнуло косыми лучами по сивым полям, позолотило деревья и медленно уплыло за лиловый край тучи. И все поблекло. Лужи не блестели и, словно налитые свинцом, отражали клочки хмурого неба» (статья В. Овсова «Энтузиасты») [3].

Удивительно тонкое чувство красоты природы, единства с ней, характерно для всех его произведений и является отличительной чертой стиля писателя [4, с. 14]. Даже в военной литературе, где, казалось бы, совсем не до красоты природы, Курочкин не обходит ее стороной: «Наконец танк выехал на едва заметную полевую дорожку. Среди еще зеленых полей она стелилась пестрым половиком — так густо поросла она белой кашкой, золотистой медуницей, лиловым мышинным горошком и васильками» [5, с. 170]. В произведениях о войне Курочкин, конечно же, также имеет в виду и философский смысл, человек не создает природу, но уничтожает ее войной: «Сократилин свернул с дороги в обгоревший сад, сломал чудом уцелевшее прясло забора, растоптал жухлый малин-

ник и покати́л по усадьбе хутора» [5, с. 169].

Природа у Курочкина всегда живая, словно еще один герой произведения, действующий, очеловеченный. Так деревья у него часто символизируют людей, как, например, береза в «Зако́лоченном доме» или яблоня в «Лесорубе» и «Последней весне», или же молодой дубок в повести «На войне как на войне», а животные становятся полноправными персонажами (кот Миха в повести «Короткое детство», пес Узнай в рассказе «Тетя Вера» и др.), а иногда и главными героями, как, например, в повести «Урод», в которой рассказывается о жизни искалеченного пса по кличке Урод.

Подобное одухотворение природы всегда было свойственно классической литературе. Курочкин продолжатель классической линии русской литературы в советское время. Он задается философскими вопросами, использует приемы русской классической литературы как в стилистике, так и в сюжетосложении своих произведений, и достигает небывалых высот в анализе внутреннего мира и психологии героев. О близости Курочкина к классической пушкинской прозе говорили многие его критики, в том числе С. Федякин: «Виктор Курочкин на этом фоне лейтенантской прозы — обескураживает. Вспомним: “Повалил снег, крупный, мягкий и очень густой”. Что-то незатейливое, простоватое. И — незаметно как — втягиваешься в это непривлекательное повествование, как в прозу Пушкина, в “Путешествие в Арзрум”, в “Капитанскую дочку”<...> Пушкинское начало — всегда жило в прозе Курочкина, но лишь к концу его писательства оно стало совершен-

но отчетливым. Проза Курочкина — в ритмике, в движении, в особенных изгибах фразы — родная дочь пушкинской прозы. Только вместо “путешествия в Арзрум” — поход на запад, вместо лошадей — танки» [6].

Удивителен язык Курочкина. М. Бахтин отмечал: «Громадная работа художника над словом имеет конечную целью его преодоление, ибо эстетический объект вырастает на границах слов, границах языка как такового... Художник освобождается от языка в его лингвистической определенности не через отрицание, а путем имманентного усовершенствования его: художник как бы побеждает язык его же собственным языковым оружием, заставляет язык, усовершенствовав его лингвистически, превзойти себя самого» [7]. Наиболее ярко проявляется это освобождение от языка у Курочкина в его последнем произведении «Железный дождь». У Курочкина нет ничего лишнего, точен каждый звук, язык очень прост, и в то же время его совсем не ощущаешь, произведение читается на одном дыхании, и каждое слово настолько слито в единую композицию, что невозможно разобрать его на составные части, выбросить из контекста. Все внимание читателя подчинено происходящему, словно бы ты не читаешь, а находишься в гуще повествования. Нет никаких отвлеченных приемов, лишних описаний, только напряженное дыхание вместе с героем. Четкие, почти не распространенные предложения, которые словно сами по себе издают звуки, отражают чувства.

Но все это не появилось извне, а развивалось у Курочкина, начиная с самых первых его статей и фельетонов. В статье про успеваемость кол-

хоза читаем: «Прохладный воздух обдал свежестью, смешал резкий запах свинарника с запахом увядающих трав. Солнце опять показало свой лучистый глаз, и все повеселело. Вспыхнул вдали желтым огнем кустарник. Зеркало пруда расцвело пестрыми облаками и в воде отчетливо отразился росший по берегам краснолистый лозняк» (Статья В. Овсова «Энтузиасты») [3].

Публицистику В. Курочкина можно разделить на статьи, подписанные его именем, и статьи и фельетоны, подписанные псевдонимом В. Овсов. И стоит заметить, что в последних Курочкин чувствует себя более свободно, как в художественном, так и в тематическом плане. Например, статья под псевдонимом В. Овсов «Только слова» — это уже не просто описание недостатков, но смелый, дерзкий памфлет на конкретного руководителя, похожий на фельетон.

Но даже в более строгих, типичных для районной газеты того времени, ограниченных цензурой, рамками и требованиями, статьях можно заметить интересные особенности, которые присущи прозе В. Курочкина. Рассказывая о колхозных передовиках, недостатках в организации колхозного труда В. Курочкин вводит прямую речь, например, в статье «По зову партии»: «— Я тракторист, — сказал он жене, — а если не смогу управлять комбайном, пойду учиться» (статья В. Курочкина «По зову партии») [3]. Или же: «— Любим мы свое дело, — говорит заведующая нижним садоводством Мария Николаевна Панова, — и стараемся как можно больше вырастить цветов» (статья В. Овсова «Цветы к выборам»); «— Все время держала,

да вот не удержала, — проговорила она, виновато улыбаясь, — отдаю своей подруге по работе А. Моисеевой, у нее в этом месяце привес выше моего. — Жаль отдавать-то, — посочувствовали мы. — Конечно, — вздохнула она. — Ничего, Дементьева, не горюй, вернешь, — заверил ее зоотехник» (В. Овсов «Энтузиасты») [3].

Курочкин выстраивает живые и правдивые диалоги и одним из первых обширно использует их в своих произведениях. Например, в повести «На войне как на войне» Курочкин через диалоги раскрывает внутренний мир своих героев, делая их понятными и близкими читателю, почти вся повесть строится на них. В литературе того времени диалоги еще не имели такого значения и не занимали столько места в произведении, преобладали скорее сюжетные коллизии и описательная часть. Это находка Курочкина, интересная и смелая для своего времени. Разговоры героев оживляют повесть. Кроме того, эта особенность стилистики писателя обусловила дальнейшее обращение Курочкина к драматическим и сценарным произведениям, которые также показывают мастерское владение выстраиванием диалога.

Эту особенность можно увидеть уже и в первых его статьях и, более обширно, в фельетонах, например, «Глазовский застройщик» о нерадивом председателе, который все средства колхоза вложил в строительство собственного дома, также выстроен при помощи диалогов председателя, заведующего животноводством и шоферов:

«— Иван, ты чего везешь? — обратился он к колхознику Смирнову.

— Корма на скотный двор.
— Это хорошо... И, немного подумав, приказал, — сваливай.
— Зачем?
— Иван, ты нагрузи паклю и свежи...
— Куда?
Анатолий Николаевич замялся:
— Ко мне в Глазово... ну, знаешь, где я строюсь.
— А как же, — вспомнил Иван, — не раз возил туда кирпич... Славный будет дом» [3].

В статье «Только слова» (В. Овсов) прямая речь персонажа раскрывает тему статьи и подводит неутешительный итог: «— Ничего, у нас всегда так, — говорят производственники, — в конце месяца нажмем...» [3]. Нет никакой ложной надежды или обещаний, как нередко бывало в статьях и очерках той поры, нет пафоса, похвал передовикам, есть честное журналистское расследование, целью которого становится даже не обличение виноватых, а справедливое отображение жизни, именно то, что всегда было свойственно художественной литературе и обычно называют художественной правдой.

Стремление к справедливости впоследствии станет обязательным для всех произведений Виктора Курочкина. Но впервые проявляется это уже в статьях и фельетонах и исходит именно из журналистской практики писателя. Так, в фельетоне «Клещ» о нечестном зубном врачее рассказывается целая жизненная история с намеченными образами:

«— Как же это так? — разводит он руками, — Без патента! ...Грубое нарушение всяких правил и законов. Прикрыть частную лавочку! Давно нужно было прикрыть... безобразие!

Однако гнев его действует на Шаца, как брань повара на кота Ваську, в басне И. А. Крылова» [3].

Курочкина возмущает несправедливость и в дальнейшем его творчестве мы видим, что даже незначительная подлость у Курочкина всегда уравновешена добром. Ведь все плохо в жизни быть не может, после грустного случается радостное, плохое чередуется с хорошим. Курочкин не изображает немедленного возмездия или наказания отрицательных героев, а лишь показывает справедливое равновесие добра, а проявляться оно может по-разному. Например, в повести «На войне как на войне» Сане, которого обманула одна девушка, пишет другая; Наденька из повести «Наденька из Аполева», несправедливо обойденная мужским вниманием из-за увечья, находит свою любовь и выходит замуж и т. д.

Вдова писателя, Галина Ефимовна Нестерова-Курочкина, писала в воспоминаниях о причинах, по которым Курочкин стал писателем: «Уторгошский народный судья слишком рьяно, по понятиям районного начальства, отстаивал народную справедливость. Руководителей с отшлифованным в духе того времени мышлением такой судья никак не устраивал. Молодого специалиста принялись “воспитывать” от имени партии и народа. В такой ситуации и взорвалось его я. Курочкин ощутил себя народным заступником. Издревле на Руси это звание носил писатель. Курочкин искал и нашел свой собственный, природой ему предназначенный способ борьбы за истину — перо» [8, с. 503].

Это стремление к справедливости наиболее ярко отобразилось в

повести, «Записки народного судьи Семена Бузыкина», о которой мы уже упоминали выше и которая имела мощный социальный посыл. Судья Бузыкин — единственный судья в литературе того времени, переживающий за каждого подсудимого. Хотя он и говорит, что стал автоматом, в повести, мы видим, что он пытается отстоять каждого несправедливо осужденного человека. Наиболее всего тяготит Бузыкина дело об осужденной девочке-почтальонше, своровавшей пособие из-за бедности. Бузыкин пожалел ее и присудил условный срок, а прокурор опротестовал, и в итоге ей дали семь лет. А все из-за соперничества областного суда и поселкового, да из нежелания прокурора получать палочки. На человека судебной системе наплевать, и герой никак не может с этим смириться. Так они с прокурором становятся врагами. Ситуация очень жизненная и неслыханная для литературы 50–60-х гг. Г. Бакланов в повести «Карпухин» также рассказывает о несправедливо осужденном человеке, но там речь идет не столько об ошибке системы, сколько о несправедливом общественном мнении, против которого и не решается бороться следователь, суд же в целом оказывается справедливым и даже один из присяжных пишет свое особое мнение.

Слишком много в повести у Курочкина разоблачений. И прежде всего дело касается работников госорганов, начиная с первого секретаря, председателя райисполкома, инструктора райкома и заканчивая даже МГБ: «Когда я попытался рассказать об этом случае начальнику отдела МГБ майору Угрюмову, он грубо оборвал меня и с угрозой пред-

упредил, чтобы я бросил разводить клевету на их органы» [5, с. 304].

Курочкин не говорит о том, что все работники госорганов таковы. Напротив, многие из них оказываются честными людьми, и становятся друзьями Бузыкина. В частности, Чекулаева. В ее адрес Курочкин по доброму иронизирует: «Скорее всего Чекулаева для работников района — их утраченная совесть» [5, с. 363].

Курочкин как художник, создавая образы, стремится прежде всего показать характеры, для него это важнее поиска виноватых. Философская истина, усвоенная судьей Семеном Бузыкиным после поездки на подножке поезда с осужденным им преступником, становится девизом всего его творчества. «Когда я вспоминаю этот дорожный случай, меня передергивает, как от озноба... И в то же время этот случай заставил меня смотреть по-другому на человека. В самом плохом, отвратительном я пытаюсь отыскать хоть крупицу доброго, хорошего. И когда мне преподносят человека как пример идеальности, я этому так же не верю, как и не верю, когда мне говорят о человеке как о кладезе зла и пороков» [5, с. 372].

Рассказывая правду о работе аппарата чиновников, герой начинает с себя, с своих собственных выборов в судьи. «Я избран почти единогласно. Против меня был всего один голос. И скажу вам по секрету: этот голос мой!» [5, с. 294]. Курочкин хоть и обличает существовавший партийный порядок, но делает это с иронией, характерной для него и в ранних произведениях. Вообще в его прозе удивительно сочетается серьезное и смешное, причем, смешное пред-

ставлено по-доброму, и так тонко, что и не каждый сразу осознает это. Его Бузыкин самоироничен, остроумен, умеет пошутить и посмеяться над собой: «Я объездил почти все колхозы, и везде меня с почетом встречали, во всем старались угождать и хвалить. И не как-нибудь там за глаза, а при всех, публично. Выходит человек на трибуну или просто к столу и говорит, какой я умный, образованный, преданный сын... Откуда это они все про меня знают? Они же в первый раз меня видят. Удивительно прозорливые и умные в Узоре люди» [5, с. 292].

В качестве одной из причин кризиса деревни того времени Курочкин называет нерадивые районные приказы и спущенные сверху планы, которые, как правило, оканчиваются для колхозников и колхоза полным разорением с последующим загниванием деревни: «— Э, Семен Кузьмич, и в прошлом году урожай был не хуже, а получили на трудодень всего по двести граммов. А почему? Потому что половина погибла на корню, не убрали. А кто виноват? Думаешь, я — председатель? Колхозники? Как бы не так, — он вытащил кисет с табак, свернул папиросу, закурил и вместе с дымом выдохнул: — Торопиловка во всем виновата» [5, с. 380]. Этот мотив есть и у Овечкина, и у Троепольского, и у Тендрякова, и у других, но у них проблема решается, все недостатки устраняются. Именно эта тема и становится конфликтом многих произведений ранних деревенщиков, но у них обязательно умные, сообразительные, партийные работники новой закалки находят решение. Курочкин же написал, как было на самом деле, ведь именно это также впоследствии стало од-

ной из косвенных причин запустения деревень.

Многое в повести Курочкина идет вразрез с партийными установками отображения жизни села в литературе. Курочкин пренебрегает законами тогдашнего соцреализма, говорит обо всем без оглядки на партию. На первых же страницах замечает, что Узор, где происходит действие, основан барчук Парнов: «Утонул бы Узор в болотах, кабы не могучая воля барчука Парнова» [5, с. 287], а вскоре также честно подмечает, что председатель Вадим Артемьевич дворянского происхождения. Курочкин открыто говорит о бедности людей в деревне. Ухорин живет в каморке. Другая колхозница, оставшись без пособия на детей, едва сводит концы с концами, и даже хочет покончить с собой: «Во всем: и в перешитом черном кашемировом платье, и в старомодных с высокой шнуровкой румынках, и в синем застиранном платочке проглядывала вопиющая бедность» [5, с. 353–354]. Вопрос о том, как бороться с бедностью, в то время был не праздный, но отобразить его в литературе было невозможно, писатель должен был показывать картину изобилия сел и колхозников. А Курочкин смело рассказывает об этом, словно бы не задумываясь, как ребенок, честно высказывает свое мнение. Вообще, стоит заметить, что Курочкин в литературном процессе тех лет выглядит таким «блаженным», «юродивым», особенно ярко это заметно не только в этой повести, но и во всей его прозе.

Надо ли говорить, что цензура не пропустила повесть и опубликована полностью она была только после смерти писателя в 1988 году. Эта по-

весть очень близка к публицистике Курочкина. Первые попытки отображения реальной действительности, как мы видим, появляются уже там (Например, статья В. Овсова «Тишь да гладь...» прямое обвинение против конкретного руководителя, и таковых немало). Но по понятным причинам это заканчивается для Курочкина, тогда начинающего писателя, плохо. Вот что вспоминает об этом времени его вдова: «Годы спустя мне удалось разобраться в сути конфликта, заставившего неудачливого газетчика расстаться навсегда с журналистикой и с мыслью о постоянной должности, обеспечивающей твердый заработок. <...>

На поприще искоренителя “пережитков капитализма” и социальной скверны будущий писатель шлифовал свою гражданскую позицию и острил перо. А герои его фельетонов: проштрафившиеся начальники, неумеренные рвачи и прочие кандидаты в уголовники, в свою очередь, дожидались удобного часа, чтобы дать бой зубоскалу. И дождались...

Началось с отказа редакции предоставить заочнику учебный отпуск по вызову Литинститута. Курочкин взбунтовался. Повел себя заносчиво и безрассудно. Его уволили. Надеясь на свой теоретический и практический юридический опыт, Виктор стал судиться с обидчиками, но потерпел поражение. И суд, и партийное руководство прислушались к мнению гонителей Курочкина, некогда им осмеянных» [8, с. 40–41].

Однако Курочкин в своей публицистике не обличает негативно, и не задается целью высмеивать или ругать. К примеру, в статье «Скоту — теплую и сытую зимовку»

(В. Курочкин) он не просто ругает руководство, а рассказывает, как поправить все недочеты. Эта статья опытного хозяйственника. Следует заметить, что Курочкин и в последующих художественных произведениях высказывает немало дельных идей по усовершенствованию колхозного хозяйства, восстановлению и обогащению послевоенной деревни.

В рассказе «Пастух», написанном как раз в годы работы Курочкина в газете, появляется идея рыбозаведения в деревенском пруду. Подобные идеи появятся и в повести «Последняя весна» у Анастаса, в пьесе «Козыриха» у Мити. А в рассказе «Яба» будет идея отогреть землю. Идея строительства кирпичного завода возникнет у Петра в повести «Заколоченный дом».

Мотив стремления к осуществлению своей главной мечты-идеи и достижения ее или недостижения как смысл существования, преобладающий в ранних произведениях писателя, в поздних произведениях углубляется в поиск смысла жизни, и смысл этот по Курочкину опять же совпадает с библейским — это желание делать добро другим, любить.

А ведь появляются эти идеи впервые в его публицистике. Так, например, в статье «Дела и люди» (В. Курочкин) рассказывается об обогреве земли для раннего сева, именно она станет центральной в рассказе «Яба». Статьи о свинарниках и свинарках («Что показало совещание?», «Энтузиасты» и др.) дадут возможность Курочкину правдиво изобразить свою главную героиню свиарку Дарью Козыреву в рассказе «Дарья» (1955). Хотя главным для Курочкина

художника будет, прежде всего, развитие психологизма, раскрытие внутреннего мира героев. Представляется, что этот рассказ стал важным этапом в развитии деревенской темы в творчестве писателя. На передний план повествования выступает тема женского соперничества. Но и вечный сюжет «любовного треугольника» Курочкин разрешает по-своему, без лишних сантиментов изображает жизненную трагедию. Он вводит образ рассказчика — журналиста, приехавшего в село, чтобы написать очерк о выдающейся свинарке Козыревой. Прием, который использовали почти все, пишущие о деревне, которые ехали на село по заданию редакции. Ведь и очерки о деревни писались также, порой перерастая в рассказы и повести. И так, казалось бы, банальный очерковый сюжет, но у Курочкина выходит полноценный художественный рассказ, где раскрываются характеры, изображается деревенская жизнь без приукрашивания.

Рассказ, о котором речь, — трагичен. Дарья остается одна с ребенком. Характер ее меняется, она становится сильной, жесткой. Курочкин очень хорошо передает эти перемены через совсем незначительные казалось бы детали — как она откусывает сахар и резко отодвигает блюдце. Это уже другая Дарья, женщина, мать, одинокая. Конец открытый, но он только усиливает драму, психологическое напряжение. Читателю уже все ясно.

«— Как живете, Дарья Михайловна? — поинтересовался я.

Она опять быстро взглянула на меня.

— Пейте чай, а то остынет, — и резко отодвинула блюдце. Стакан

громко звякнул, как будто ему стало больно» [9, с. 390].

Концовка выстроена из психологических деталей, выстроена так, как значительно позже в деревенской прозе будут работать над темой села другие писатели. Да и героини, подобные Дарье, появятся и станут популярными только в конце 60-х. В рассказах Евгения Носова «Шумит луговая овсяница», Ирины Велембовской «Женщины» и последующей экранизации, в сценарии Леонида Аграновича «Человек родился», в фильмах «Приезжая», «Москва слезам не верит» и многих других будет разрабатываться подобный типаж. Курочкин, действительно, опережал свое время. Ровно через десять лет, в 1965 году, Тендряков напишет повесть «Поденка — век короткий», героиней которой также будет свинарка с неудавшейся личной жизнью, однако там конфликт сводится к противостоянию с общественным мнением, героиня под влиянием обстоятельств идет на обман, который в итоге раскрывается, а вот яркого необычного характера главной героини, как в «Дарье» Курочкина, здесь еще нет.

Попытки отразить психологизм героев, создать художественные образы заметны во многих статьях В. Курочкина. Такова, например, статья «Первый экзамен» (В. Курочкин). Курочкин сам был в этот момент студентом и знал о первых экзаменах не понаслышке. Автор переживает вместе со студентами этот волнательный момент, будто бы сам сдает экзамен. Он достоверно изображает переживания студентов, с помощью мельчайших психологических деталей. Они листают тетради, задают друг другу вопросы, или же: «Она

прижимает к груди зачетную книжку, в которой преподаватель поставил первую пятерку» [3]. Затем и в художественных произведениях Курочкин одним из первых обратится к психологизму героев, будет смещать акцент к индивидуальности, сложному внутреннему миру, переживаниям героев.

Уже в статьях Курочкин стремится передать ощущения, чувства. Так в статье «Цветы к выборам» будто бы ощущаешь сам запах цветов: «Между ними проглядывают лиловые примулы, ласкают глаз разноцветные бутоны цветка цикламена: воздух напоен нежным ароматом нарциссов» [3]. Образное, прочувствованное описание зимнего досуга в статье В. Овсова «Отдых студентов»: «Хорошо скользить на лыжах по заснеженному полю: мороз и встречный ветер румянят щеки. Хорошо вечером и на катке. Легко нежится пара за парой, под коньками тонко потрескивает лед» [3].

Упомянув о прошедшей войне, о разрухе и восстановлении деревни, в статье «Боевой штаб села» Курочкин рисует светлые перспективы. И эта особенность отразится в его военной прозе [10, с. 151]. Писатели поколения Курочкина часто винили во всех военных просчетах главнокомандующего и высший комсостав. Многие произведения посвятили антисталинской теме, видя в неверной политике и репрессиях причину всех бед, и тем самым утяжелили свои произведения, вводили читателя от главного. Курочкин же не ищет виновных в трагедии, этим горю не можешь, он пишет, как было в жизни, и это оказывается глубже любой философии, свойственной многим произведениям тех лет. Так,

У Курочкина в повести «На войне как на войне» только один несправедливый командир, Сергачев, который невзлюбил Саню: «С приходом Сергачева для Сани настали черные дни. Капитан с первого взгляда невзлюбил младшего лейтенанта Малешкина, придирался по любому пустяку, и в последнее время все чаще и чаще грозился снять Малешкина с машины, отчислить из батареи и отправить в резерв. Это для Сани было подобно смерти. Жить без самоходки, без своих ребят, он уже не мог» [9, с. 37]. Но справедливость у Курочкина, как мы знаем, всегда торжествует: Сергачева снимают с командования и отправляют в резерв. У Бондарева, Бакланова и др. подлецы и предатели напротив часто остаются безнаказанными, и потому горько и обидно читать об этом. Так, например, в повести «Пядь земли» Г. Бакланова Мезенцев, предающий своих товарищей, остается в живых и отправляется играть в оркестр, и сколько не боролся против него главный герой, как бы не презирал этого подлеца, сделать ему ничего не удастся. На войне люди проявляют себя по-разному, многие писатели их поколения изображали предателей. На фоне их позорных поступков рельефнее выступали подвиги других. Им необходим был контраст, сгущение красок. Курочкину этого не требовалось, да и не хотел он видеть в человеке только плохое, всегда старался рассмотреть и хорошее, как мы уже заметили во многих его произведениях.

В публицистике появляется и еще одна отличительная особенность стилистики В. Курочкина — неповторимый тонкий юмор. Например, в статье В. Овсова «Энтузи-

сты»: «— Наши свиньи не привыкли жить по-свински, — пошутил зоотехник» [3]. А наиболее ярко добродушная ирония, которая присуща всему его творчеству, даже произведениям о войне, проявляется в фельетонах. Курочкин всегда уравнивает грустное добрым юмором. Так, в уже упомянутом фельетоне воровство и пьянство уравновешено иронией: «Сейчас Николай Анатольевич находится в затруднительном положении. “Наказать, наказать виновника” — логически размышляет председатель колхоза. Но как? Положение действительно трудное» [3].

Фельетон «Сборщик податей» о работниках торговли вмещает целый сюжет повести с полноценными художественными образами главных героев и неизменной иронией. Курочкин использует эффемизм «Абессинский налог» для обозначения взятки. Применяет художественные приемы и тропы. Все это явно говорит о том, что Курочкин выходит за рамки жанра и уже здесь показывает свой писательский талант.

Фельетон «Бельмесовские эксперименты» также вполне законченный рассказ с иронией, не обличающий, а скорее рассказывающий о странностях характера главного врача больницы Бельмесова, который, возомнив себя Шерлоком Холмсом, решается воспитывать своих сотрудников на опыте, проверяя их бдительность. Курочкин, вместо того, чтобы обличать и ругать, раскрывает характер главного героя, показывая особенности, привычки, объясняя его внутренний мир, делая его понятным читателю: «— Вот я им испеку штукенцию, век будут помнить

как надо сторожить, — бормотал Степан Кузьмич, торопливо заматывая шарфом шею» [3]. Что говорит, конечно, о художественном даровании автора.

Курочкину удается, на первый взгляд невозможное, совмещение трагического и смешного, при этом произведения его не теряют серьезности и глубины, а юмор остается добрым. Ведь именно в трагичном произведении больше всего нужен контраст света и добра, по мнению Курочкина, все мрачным быть не может. Еще В. Пропп отмечал, что комические, смешные произведения могут быть трагичны по содержанию, в качестве примера он называет «Записки сумасшедшего» и «Шинель» Гоголя, но еще более уместно сравнение юмора Курочкина с чеховским. И тем не менее, у Курочкина юмор, ирония не заимствованы, его юмор тонок и всегда гармонично уравнивает грустное в произведении. Не случайно одними из первых литературных опытов Курочкина стали именно фельетоны. Умение изобразить даже грустное, серьезное с иронией впоследствии стало внутренним светом всех дальнейших произведений Курочкина и является особенностью писательского мировоззрения.

Заключение

Публицистический опыт явился необходимым этапом для написания художественных произведений. Именно этот опыт, как нам кажется, сослужил верную службу всем писателям поколения Курочкина. Начиная с публицистики, почти все они встали в ряд лучших писателей в советской литературе. Она явилась для них не только частью жизненной

биографии, но и такой же органичной частью их творчества.

Деревенская проза, начавшаяся с публицистики, обрела художественность. Немаловажную роль в этом процессе сыграл Курочкин.

Как мы можем заметить, публицистики у В. А. Курочкина немного, однако именно она послужила отправной точкой для Курочкина-писа-

теля, уже в ней проявляются особенности его стилистики, темы и сюжеты будущих художественных произведений. Публицистика подпитывала его творчество. Найденные темы и проблемы отразились в прозе писателя. Таким образом, опыт публицистики явился важным этапом для дальнейшего развития писательского мастерства В. А. Курочкина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kurockin V. *A la guerre comme a Laguerre* / V. Kurochkin. — Roma : Armando, 2004. — 159 p.
2. Панкратова Т. Б. Деревенская проза В. А. Курочкина / Т. Б. Панкратова // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 43, № 1. — С. 161–177.
3. Курочкин В. (В. Овсов) Статьи и фельетоны / В. Курочкин // Вперед. — 1953–1954. — №№ 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152.
4. Панкратова Т. Б. Неизвестные произведения В. А. Курочкина / Т. Б. Панкратова // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 2. — С. 13–21.
5. Курочкин В. На войне как на войне : повести, рассказы / В. Курочкин ; сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. — М. : Правда, 1990. — 480 с.
6. Федякин С. Искусство Виктора Курочкина / С. Федякин // На войне как на войне : повести / В. Курочкин. — СПб. : Азбука-классика, 2005. — С. 5–16.
7. Бахтин М. М. К эстетике слова / М. М. Бахтин // Контекст / ред. А. С. Мясников. — М. : Наука, 1974. — С. 280.
8. Нестерова-Курочкина Г. Долгое эхо оборванных струн... / Г. Нестерова-Курочкина. — СПб. : Росток, 2010. — 160 с.
9. Курочкин В. А. Повести и рассказы / В. А. Курочкин. — Л. : Худож. лит. — 1978. — 400 с.
10. Панкратова Т. Б. Военная проза В. А. Курочкина / Т. Б. Панкратова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 2 (75). — С. 151–157.

REFERENCES

1. Kurockin V. *A la guerre comme a Laguerre*. Roma, Armando, 2004. 159 p.
2. Pankratova T. B. Rural prose of V. A. Kurochkin. *Vestnik slavjanskih kul'tur = Bulletin of slavic cultures*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 161–177. (In Russian).
3. Kurochkin V. (V. Ovsov) Stat'i i fel'etony. *Vpered = Go!*, 1953–1954, no. 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152. (In Russian).
4. Pankratova T. B. Unknown Works by V. A. Kurochkin. *Gumanitarnyj vektor = Humanitarian vektor*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 13–21. (In Russian).
5. Kurochkin V. *Na voine kak na voine* [A la guerre comme a la guerre]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 480 p.
6. Fedyaikin S. Victor Kurochkin's creative writings. In Kurochkin V. *Na voine kak na voine* [A la guerre comme a la guerre]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005, pp. 5–16. (In Russian).
7. Bahtin M. M. On the esthetics of the word. In Myasnikov A. S. (ed.). *Kontekst* [Context]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 280. (In Russian).
8. Nesterova-Kurochkina G. *Dolgoe ekho oborvannykh strun...* [Long echo of broken strings]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2010. 160 p.

9. Kurochkin V. A. *Povesti i rasskazy* [Stories and short stories]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 400 p.

10. Pankratova T. B. Military proze V.A. Kurochkin. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Orel State University.*, 2017, no. 2 (75), pp. 151–157. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Панкратова Т. Б. Публицистика в творчестве В. А. Курочкина / Т. Б. Панкратова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 1. — С. 114–128. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).114-128.

FOR CITATION

Pankratova T. B. Journalism in Victor A. Kurochkin's Creative Writings. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 114–128. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).114-128. (In Russian).